

П.Г. Басистов

**Наше купечество и торговля с
серьезной и карикатурной
стороны**

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
П11

П11 **П.Г. Басистов**
Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны: Выпуск 2 /
П.Г. Басистов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 225 с.

ISBN 978-5-518-05541-4

ISBN 978-5-518-05541-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ШЕСТОВЪ.

«Молвишь въ добрый часъ, кабы каждый-то изъ насъ жилъ, какъ дѣдушка Андрей, было бы дѣло поспорѣй. Вѣдь знала матушка все бѣдѣла, да бѣдѣла, все хромала, да головушкой хворала, пришла къ ней правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресеня въ Кадашахъ и стала матушка въ барышахъ: перестала матушка хромать, перестала матушка и хворать, Дру-ги! вотъ почеть такъ почеть, не денежкамъ въ за-четъ!»

«Турусы на колесахъ.»

Не къ одному жизнеописанію, болѣе или менѣе выдвинувшихся лицъ изъ купечества, не приступали мы съ такимъ удовольствіемъ, какъ къ біографическому очерку А. П. Шестова, но, къ крайнему нашему сожалѣнію, на этотъ разъ, можемъ представить только этотъ біографическій очеркъ, а не полную его біографію, какъ было надѣялись (*).

Равнодушіе къ подобнымъ личностямъ нашего общества — *чудовищное*: никто ничего не помнитъ, никто ничего не знаетъ о запискахъ его, о которыхъ ходили слухи, нѣтъ и помину: по словамъ его сына Александра Андреевича все это сгинуло въ Москвѣ и даже близкіе къ нему люди не мог-

(*) Во всякомъ случаѣ мы еще не теряемъ надежды, хотя со временемъ, въ нашемъ «Сборникѣ» представить эту біографію и обращаемся ко всѣмъ, знавшимъ и помнящимъ Андрея Петровича, почтить его память доставленіемъ намъ свѣдѣній или опубликованіемъ ихъ о его жизни и характерѣ, а также преданія, повѣрья и матеріалы о его дѣятельности. По моему мнѣнію, обществу не такъ нужна его личная и семейная жизнь, какъ его служебная дѣятельность: общество наше вступило только въ первую пору своей самодѣятельности, оно еще едва, едва передвигаетъ ноги по новой дорогѣ и поэтому-то свѣтлые примѣры старой жизни для него необходимы. Всякому извѣстно, *какъ мы богаты* этими примѣрами, а потому неужели, въ самомъ дѣлѣ, не соберемъ и тѣхъ крохъ, которыя фактически принадлежатъ оригинальной исторіи нашего развитія.

ли сообщить намъ, были эти записки или нѣтъ въ большомъ объемѣ и передать хотя отрывки изъ нихъ—вотъ все, что мы можемъ сказать въ свое оправданіе.—Едва, едва успѣли мы собрать и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя и составили нашъ главный матеріалъ для предлагаемаго очерка.

Портретъ довольно наглядно знакомитъ читателя съ лицомъ Андрея Петровича: всякій, внимательно взглянувшійся въ черты его, найдетъ въ нихъ яркое выраженіе непреклонно-твердой воли, огневого, вспыльчиваго характера, сметливаго и глубокаго ума и сознанія собственнаго достоинства, и все это всесторонне отлившіеся въ форму чисто русской національности....

Одинъ случай, переданный намъ очевидцемъ, дастъ какъ нельзя болѣе понятія о выразительности этого лица и о томъ глубокомъ, на долго остающемся впечатлѣніи, которое оно производило: Андреемъ Петровичемъ, къ его торговому дѣлу, былъ взятъ мальчикъ изъ мѣщанскаго училища, который, между прочимъ, умѣлъ рисовать; лице хозяина, своимъ характернымъ выраженіемъ, постоянно обращало на себя его вниманіе и такъ неотразимо дѣйствовало на него, что въ свободное время онъ набросалъ на память его абрисъ до такой степени сходный, что всѣ прикащики сразу узнали въ немъ своего хозяина. Это лучшее свидѣтельство глубокаго впечатлѣнія, производимаго этимъ лицомъ.

Андрей Петровичъ Шестовъ былъ москвичъ, хотя родился онъ въ 1783-мъ году въ Доровскѣ Отецъ его былъ извѣстный въ свое время купецъ, торговалъ сначала бакалей, а потомъ гуртомъ чаями и имѣлъ свой вымѣнъ въ Кяхтѣ. Андрей Петровичъ былъ средній въ семьѣ; кромѣ его въ семействѣ, послѣ смерти отца, въ дѣлѣ были еще два брата: Вилкулъ Петровичъ и Петръ Петровичъ, и ихъ общее дѣло (въ общемъ капиталѣ) шло подъ фирмою. «В. А. и П. Шестовы» и существовало еще до 1812 года (*).

Съ самаго начала дѣла и до конца его Андрей Петро-

(*) Кромѣ чайнаго дѣла фирма имѣла въ Петербургѣ сахарный заводъ, закрытый въ 1833 году.

вичъ былъ главнымъ двигателемъ и распорядителемъ, и оно, видимо, начало расплываться, когда, отдавшись общественной службѣ, онъ не могъ уже удѣлять дѣлу прежняго времени и своею дѣятельностію, прямизною и личною истинно-гражданскою храбростію нажилъ себѣ кучу враговъ. Упадокъ дѣла Шестовыхъ тѣсно связалъ съ служебною дѣятельностію Андрея Петровича. Этого никакъ не должно бы забыть Московское Городское общество.

Братяжиливрозъ: Андрей Петровичъ съ давняго времени поселился за Москвой рѣкой у Николы въ Толмачахъ, въ собственномъ родительскомъ домѣ, который принадлежитъ теперь Сергію Михайловичу Третьякову; лѣтомъ постоянно жилъ въ Сокольникахъ, на своей дачѣ, принадлежащей теперь г-ну Рудакову.

Образъ жизни Шестова вполне согласовался съ его характеромъ: строгость, дѣятельность и непрерывный трудъ были постоянными его спутниками. Въ характерѣ Андрея Петровича полно и всесторонне сказался русскій человѣкъ и семьянинъ; въ крутости и строгости къ дѣтямъ, онъ былъ даже не лишенъ недостатковъ подобныхъ характеровъ, хотя ничѣмъ не былъ похожъ на самодуровъ Островскаго: раздражительность его была чаще всего наносная и, кромѣ того, выходила изъ страстности его природы, а не изъ самодурства, что, при желаніи отыскать темныя пятна на свѣтломъ фонѣ, ставится ему въ большую вину; раздражительность, главнымъ образомъ, возбуждалась его столкновениемъ съ неправдою современныхъ ему властей коснѣніемъ и равнодушіемъ общества. Но эти вспышки огневаго характера, этотъ внутренній пожаръ, который въ своемъ развитіи захватывалъ иногда даже и невинныхъ, погасалъ и успокаивался скорѣе всего подъ вліяніемъ его жены, одного изъ тѣхъ драгоценныхъ типовъ русскихъ женщинъ, которыя, смотря, на все просто и дѣлая все безыскусственно, тихо и мирно, производятъ нерѣдко чудеса своимъ неотразимымъ вліяніемъ, и заслуги которыхъ, въ русской жизни, еще далеко не вполне оцѣнены и изслѣдованы. — Жена Андрея Петровича, съ которою, съ одной, онъ прожилъ цѣлую жизнь, была родомъ изъ семьи Корнауховыхъ и имѣла на него

большое вліяніе: прежде всего онъ любилъ ее, потомъ уважалъ и потому слушался, даже и тогда, когда уже никто не могъ имѣть на него вліянія. Она нерѣдко являлась миротворицей въ его семейныхъ ссорахъ, она одна могла удержать его иногда слишкомъ смѣлые, слишкомъ страстные порывы противъ неправаго дѣла — она любила его, берегла; и вообще смягчала характеръ его дѣятельности, въ которой онъ положительно не жалѣлъ себя. Трудно судить, чѣмъ бы кончилъ Шестовъ безъ этого умиротворяющаго вліянія.

Такъ нерѣдко, вглядываясь въ нашу сѣренскую жизнь, видя не хитрыя купческія пары и характерныя типы нашихъ безхитростныхъ купчихъ, мы чаще всего обходимъ ихъ безъ всякаго вниманія, нерѣдко подсмѣиваемся надъ этимъ дѣйствительно оригинально сложившимся типомъ и рѣдко подмѣчаемъ то, съ виду маловажное, вліяніе этихъ *отсталыхъ* женщинъ въ ихъ семействахъ, въ торговомъ дѣлѣ, иногда даже въ общественныхъ дѣлахъ. Жена у купца по понятію большинства — раба, но это далеко не безошибочное понятіе, это больно *сплошь* и, въ отдѣльномъ почти уже готовомъ очеркѣ, «купчиха» мы стараемся доказать противное... Вообще намъ не мѣшаетъ почаще обращаться къ нашимъ дѣдушкамъ и бабушкамъ: въ ихъ старой жизни найдется не малое, что можетъ благотворно повліять на наше совершенно законное желаніе, страхнуть съ себя нестройность и тяготу уродливо сложившейся русской жизни, которое, впрочемъ, не обязываетъ похерить все старое, какъ никуда не годное.

Въ образѣ жизни Андрей Петровичъ держался разъ навсегда установившагося порядка: каждый день постоянно бывалъ онъ у ранней обѣдни, потомъ, приходя домой, вышивалъ, также постоянно, три стакана чая и сейчасъ же, не медля ни минуты, уходилъ въ кабинетъ для занятій; постоянство и какая-то порывчатость и неутомимость, въ то время, когда приближался часъ обыкновенныхъ занятій, замѣчались въ немъ особенно часто, когда онъ служилъ городскимъ головою: своими служебными занятіями онъ, какъ замѣтно и какъ намъ передавали, занимался охотиѣе даже чѣмъ сво-

имъ собственнымъ дѣломъ... Цѣлый день его былъ посвященъ дѣлу: отъ одного распоряженія онъ переходилъ къ другому; кончивши расчетъ по привозу или отправкѣ, куплѣ или продажѣ чая, онъ брался заэкономическую часть городского хозяйства — толковалъ съ подрядчиками, поставщиками разныхъ матеріаловъ, выслушивалъ жалобы, споры, разбиралъ ссоры мѣщанъ и ремесленниковъ, толпами осаждавшихъ его домъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, какъ извѣстно, отстоялъ первыхъ отъ полицейской опеки и завоевалъ себѣ право ихъ судьи и рѣшителя... Надо при этомъ замѣтить, что у него не было никакихъ помощниковъ: по примѣру большинства нашихъ городскихъ головъ, онъ не имѣлъ ни секретаря, ни адвокатовъ; во всемъ онъ дѣйствовалъ своимъ соображеніемъ, при затрудненіяхъ самъ справлялся съ законами, принаравливался къ нимъ такъ или иначе, и на все, или по крайней мѣрѣ на большую часть рѣшеній, клалъ печать или оттѣнокъ своего характера, потому-то почти каждое или, по крайней мѣрѣ, большая часть его рѣшеній, посятъ на себѣ самобытность его, Шестовскаго характера. Чиновники бывали у него только по необходимости, когда при разборѣ разныхъ случаевъ и споровъ въ мѣщанскомъ обществѣ, онъ разсматривалъ дѣло на дому и желалъ придать ему формальное значеніе.

Ни обѣдовъ, ни пиршествъ, ни баловъ, ни кормленія и закармливанія властей, ничего говорящаго или удовлетворяющаго пустому чванству и самолюбію не любилъ Андрей Петровичъ, и во все время его службы у него былъ только одинъ большой, званннй обѣдъ, въ честь рожденія покойнаго наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, на которомъ у строгаго Городскаго Головы обѣдали всѣ чины и большая часть знати Москвы.

Мы нарочно сразу набросали нѣсколько чертъ этого самостоятельнаго и твердаго, какъ камень характера. чтобы нагляднѣе поставить предъ читателя богатство природы А. П. Шестова и, входя въ дальнѣйшій анализъ его характера, ссылатся то на ту, то на другую его черту.

Въ дѣлахъ его, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, все имѣло у него тѣсную связь и вытекало одно изъ другаго: дѣ-

ла Шестовыхъ, по видимому, и при самостоятельной дѣятельности Андрея Петровича, были не въ большомъ капиталѣ, по крайней мѣрѣ, можно безошибочно предположить, что средства были менѣе того розмаха дѣла, который далъ ему Андрей Петровичъ; недостатокъ этихъ средствъ пополнялъ онъ своею личностію: въ рукахъ его все кипѣло и клеилось; его отважность доходила до риска и, соединенная съ предусмотрительностію и твердостью въ неудачахъ, дѣлала его вліяніе, предложенія, сдѣлки неотразимыми — ему вѣрили и слово его уважали. Широкій розмахъ дѣла и нерасположеніе къ мелочамъ были его прямою потребностію: ему не жилось иначе, но вмѣстѣ съ тѣмъ его не рѣдко рискованныя предпріятія не были средствами удовлетворенія личнаго расположенія къ роскоши, къ открытой жизни, къ излишествамъ, напротивъ, находя удовлетвореніе въ дѣлѣ — въ жизни, какъ мы уже упомянули, онъ былъ нетребователенъ и крайнѣ умѣренъ, даже скупъ. Но между тѣмъ ему пришлось бороться и съ этимъ непріателемъ, расположенія пожить на широкую ногу, которая проглядывала въ одномъ изъ его братьевъ, именно въ Петрѣ Петровичѣ. Домъ этого послѣдняго, находившійся въ родственныхъ связяхъ съ домомъ В. В. Логинова, въ свое время извѣстнаго книгопродавца, у котораго собиралась большая часть современнаго ему общества нѣкоторыхъ изъ московскихъ литераторовъ и преимущественно артистовъ, представлялъ одно изъ любопытныхъ явленій, несовсѣмъ нормальныхъ въ то время, которымъ менѣе всего симпатизировалъ Андрей Петровичъ...

Можно безошибочно сказать, что ходъ дѣла Шестовыхъ, его видное въ лучшее время положеніе, прямо и, болѣе всего, обязаны были силѣ характера Андрея Петровича, его уму, оборотливости и тѣмъ тугимъ возжамъ, на которыхъ онъ все держалъ въ рукахъ. Не стало его, и все дѣло пошло въ рознь.

То же самое явленіе мы видимъ и въ его общественной дѣятельности: и въ нее, какъ въ частное дѣло, онъ внесъ присущій ему свѣтъ; съ его выходомъ изъ службы все потемнѣло. Эти рѣзкіе переходы тѣни и свѣта болѣе всего даютъ понятіе о родѣ его общественной дѣятельности. Вез-

дѣ онъ является деспотомъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, сильная его натура, не переносившая зла, рветъ это зло съ корнями и не думаетъ о послѣдствіяхъ въ своемъ самоотверженіи, забываетъ, что онъ безличныи, безправныи въ то время купецъ и имѣетъ дѣло съ званіемъ и чинами: съ генералами, оберъ-полицеймѣстерами, провіантмейстерами, губернаторами и прочими.

До своего выбора въ городскіе головы, какъ общественныи дѣятель, онъ былъ членомъ московскаго коммерческаго училища. Время начала этой службы, какъ значится въ документахъ училища, было около 1834 года.

И въ этомъ весьма почетномъ, но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ, какъ слѣдуетъ, не понимаемомъ званіи, въ которое, къ сожалѣнію, большею частію, попадаютъ лѣнныи люди, имѣющіе въ немъ прикрытіе отъ отвѣтственной службы, Андрей Петровичъ прошелъ не безъ слѣда: во-первыхъ во все время службы онъ не пользовался не только расположеніемъ директора училища Т. А. Каменецкаго, но своимъ честнымъ отношеніемъ къ своему призванію нажилъ въ немъ себѣ личнаго врага - прекрасный примѣръ для нашихъ купцовъ - дѣятелей, которые постоянно стараются, въ какихъ быто нибыло начальникахъ, сыскать себѣ благотворителей. — Купецъ Андрей Петровичъ Шестовъ, какъ членъ совѣта, не давалъ воли генералу-директору, забралъ въ свои руки экономическую часть, лично повѣрялъ приходо-расходныи книги и не только занимался ими въ совѣтѣ училища, какъ это многими дѣлается, для виду, мелькомъ, урывками, но нѣсколько разъ бралъ ихъ на домъ и, въ результатѣ всего этого, представилъ совѣту необходимость смѣнить бухгалтера, и смѣнилъ его, къ особенному неудовольствію директора училища... Кромѣ того онъ не оставлялъ безъ вниманія и учебную часть и не рѣдко ставилъ на видъ, что нужно купцу и чего нѣтъ въ программѣ училища и что въ ней лишнее, что имѣло смыслъ не только въ его время, но имѣетъ долю его и теперь, при спеціальномъ направленіи образованія.... Однимъ словомъ. онъ былъ дѣятельнымъ и *беспокойнымъ* членомъ, но такимъ *беспокойнымъ*, которыхъ давай Господи побольше на мѣсто

спокойныхъ и дремлющихъ. Личныя отношенія его къ *Т. А. Каменецкому*, какъ къ директору училища, игравшему въ свое время роль не только въ училищѣ, но и въ *большей частѣ* *богатаго* купеческаго общества, лучше всего рекомендуетъ его — тутъ, по русской пословицѣ, нашла коса на камень.

Но это была только проба его, какъ общественнаго дѣятеля — ярко и многосторонне онъ выразился въ сложныхъ обязанностяхъ Московскаго городского головы.

Выборъ этотъ относится къ 1843-му году. Нѣкоторые изъ современныхъ ему гласныхъ и до сихъ поръ помнятъ ту нескрываемую имъ радость, ту силу и смиреніе и гордость вмѣстѣ, которая высказалась имъ при полученіи имъ извѣстія о выборѣ его въ это аваніе, когда депутація отъ купечества пріѣхала къ нему съ поздравленіемъ. «Господа, я радъ служить на пользу общую, съ радостными слезами проговорилъ Андрей Петровичъ, въ отвѣтъ на ихъ привѣтствія, если могу быть безъ фальши полезенъ, при помощи Божіей и при вашемъ содѣйствіи, но для этой службы нужны способности, которыхъ въ полной мѣрѣ я не признаю въ себѣ. Вамъ извѣстенъ мой характеръ.... Человѣкъ я простой, не получившій образованія, могу увлекаться, а потому прошу васъ, какъ людей служивыхъ и опытныхъ, не оставить меня своими совѣтами и расположеніемъ!»

Слова эти переданы намъ лицомъ, бывшимъ при этомъ случаѣ и даже жившимъ въ домѣ Шестова... Они были искренны, какъ непритворны были слезы говорившаго, депутація была тронута и въ одно слово просила его *послужить!* Могъ ли отказаться отъ этого избранія Андрей Петровичъ; могъ ли, при всей искренности своего сознанія, *при страхѣ за свой характеръ*, отстранить отъ себя эту чашу, которую онъ выпилъ до дна? Разумѣется не могъ—не могъ, какъ игрокъ отказаться отъ игры, какъ художникъ отъ своего призванія.

И такъ Андрей Петровичъ на службѣ, Андрей Петровичъ городской голова, и вмѣсто одного тщеславія, величанія этимъ званіемъ, какъ почетомъ, вмѣсто объда на убой, для подобострастнаго ублаженія властей, онъ облекся въ это

имя какъ въ трудную и важную, по имѣющую силу и значеніе обязанность. «Что честный народъ повѣсилъ головушку, на правую сторонушку? Иль плохо можется-нездоровится! Взглянько глазикомъ, поздравь съ праздникомъ!» говоритъ современный Шестову балагуръ въ своихъ «Турусахъ на колесахъ», вѣроятно же всего по поводу этого изобранія.

Зналъ ли Андрей Петровичъ съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло, имѣлъ ли онъ понятіе о службѣ, была ли у него такъ называемая, на бюрократическомъ языкѣ, школа? На это прямо можно сказать, что онъ былъ готовъ на общее дѣло; что же касается до школы службы, то въ его прошломъ, кромѣ почетнаго членства въ Коммерческомъ училищѣ, была еще должность гласнаго вмѣстѣ съ городскимъ головою Поповымъ и участіе въ дѣлахъ коммисіи для изысканія доходовъ и уменьшенія расходовъ Москвы, подъ предѣтельствомъ Гражданскаго Губернатора Н. А. Небольсина.

Поповъ служилъ головою съ 1822 по 1826 г. и въ это-то время Андрей Петровичъ былъ гласнымъ. Поповъ оставилъ по себѣ память, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ городскихъ головъ Москвы; Шестовъ, по преданіямъ, былъ къ нему однимъ изъ приближенныхъ, можно утвердительно сказать, что къ этому времени и его участію въ коммисіи относится его знакомство съ городскимъ хозяйствомъ Москвы, многіе полагаютъ даже, что не малое изъ сдѣланнаго Поповымъ носитъ на себѣ слѣды Шестовскаго характера. Какъ бы то ни было, но это время не прошло и для Шестова, безъ слѣдовъ: въ дѣятельности члена Коммерческаго училища характеръ его направленія уже началъ высказываться опредѣленно, это уже были проблески того, что въ немъ развилось въ званіи, сдѣлавшемъ его извѣстнымъ—въ его сознательномъ и энергическомъ управленіи хозяйствомъ Москвы, не имѣвшемъ ни примѣра, ни послѣдователей.

Его участіе въ дѣлахъ Комитета объ изысканіи средствъ къ уменьшенію расходовъ и увеличенію доходовъ, прошло какъ-то блѣдно, вѣроятно потому, что по русской пословицѣ: одинъ въ полѣ не войнѣ, да онъ въ то время не могъ

быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: председательство-
валъ въ этой коммисіи, какъ мы уже сказали, губернаторъ
Небольсинъ. Всѣ эти прежнія занятія были для Андрея Пе-
тровича не болѣе, какъ это говорится, какъ проба пера,
того не рукописнаго памятника, который онъ оставилъ по
себѣ. *«Какъ каждой-то изъ насъ жилъ, какъ дьдушка Андрей,
«было бѣ дѣло по спорный; а то всякой Пванъ смотритъ толь-
«ко въ свой карманъ»!* тараторять «Турусы на колесахъ»;
«вотъ нешто и нашъ староста стянулъ у батюшки овчинку,
«а у матушки свинку, да и прощай Ивавушка, забубенная
«головашка: махнулъ любезный другъ отъ сѣвера, на югъ!»
Зубоскалить тотъ же балагуръ.

Если вспомнимъ, что все это *шалости* того времени, что
все это наша русская, святая правда, то личность и фигура
Андрея Петровича становятся еще рельефнѣе на нашемъ
темномъ фонѣ.

Обратимся теперь къ самой дѣятельности Шестова—на
его поприщѣ городского головы.

Андрей Петровичъ, при самомъ началѣ иначе понималъ свои
обязанности, нежели онъ у насъ вообще понимаются: на-
чалъ онъ службу не роскошнымъ обѣдомъ и полученное
имъ отъ общества званіе считалъ не мѣстомъ, на которомъ
удобно и легко удовлетворять своему тщеславію.

Онъ обратилъ прежде всего вниманіе на Думу и на Домъ
городскаго общества, какъ на мѣста, прямо ему подвѣдом-
ственные, и не считъ за лишнее познакомить чиновниковъ
этихъ мѣстъ съ настоящимъ смысломъ, возложенныхъ на
нихъ обязанностей.

Книги, по которымъ выбирается на службу купеческое
сословіе, онъ повѣрилъ отъ начала до конца, при помощи
надежныхъ людей изъ среды сословныхъ, потому что въ
такомъ щекотливомъ предметѣ, каковы до сихъ поръ наши
общественные выборы, трудно положиться на лицъ служа-
щихъ, особенно при такомъ жалованьи, какое было въ пре-
жнее время, да и при настоящихъ штатахъ старшинъ купе-
ческаго Общества не слѣдъ вѣряться чиновникамъ, пото-
му, что имъ говорю про сліяніе сословій, а чиновникъ въ от-